

С УТРА Питер сделал зарядку, принял душ, переоделся в чистое и все сильнее и сильнее чувствовал себя не в своей тарелке. Все это время его не оставляло странное ощущение, будто вокруг не хватает чего-то важного. Наконец, взявшись готовить завтрак, он с удивлением осознал, что напевает себе под нос какой-то мотивчик, и понял, в чем дело.

«Напряжение. Оно прошло. Значит, вот как чувствуешь себя, хорошенько отдохнув?»

Он взглянул на часы. До отправления поезда тети Мэй оставалась еще куча времени, и вместо обычной спешки он сел к столу и позавтракал в компании не на шутку удивленного Гарри.

- Знаешь, Пит, - заметил Гарри, посыпая сахаром овсянку, - обычно, отдавая деньги электрической компании, люди так бурно не радуются.

- Шутишь? Да у меня как будто гора свалилась с плеч! Просто не терпится рассказать...

Вспомнив о Гвен, Питер вновь почувствовал давно знакомые угрызения совести.

- Гарри, а ты Гвен вчера не видел?

- По-моему, - жуя, ответил сосед, - она ушла домой пораньше, чтобы закончить какую-то работу. А вы что - еще не помирились? Нет? Слушай, почему ты до сих пор не позвонил ей? Или хотя бы не написал?

Питер бестрепетно вытер губы.

- Я сделаю лучше. Как только провожу тетю Мэй, разыщу Гвен и поговорю с ней лично. В таком настроении, как сейчас, я и тучи уговорю убратся с неба!

- Проще взять с собой зонтик. Сегодня обещали ливни.

Оказавшись на улице, Питер никак не мог понять, как тускло-серому, скучному небу над Манхэттенем удастся выглядеть столь прекрасно.

* * *

ПИТЕР приехал на Пенсильванский вокзал на пять минут раньше срока и радостно замахал рукой, увидев такси с тетей Мэй. Подхватив одной рукой весь ее багаж, он едва не забыл сделать вид, будто ему тяжело.

- Ай! Мы же договорились, что ты не повезешь с собой все свои гантели!

Тетя Мэй улыбнулась с заднего сиденья:

- Не мучайся, дорогой. Позови носильщика.

- Нет-нет, я справлюсь. И даже ничего не уроню.

Встав, тетя Мэй пошатнулась и чуть не упала обратно на сиденье. Питер быстро опустил сумки и вовремя подхватил ее.

- Осторожнее, тетя Мэй! Давай помогу.

Он позволил тете немного передохнуть и помог ей выйти из машины, внимательно приглядевшись к ней прежде, чем отпустить ее.

- Ты уверена, что с тобой все хорошо?

В ответ тетя чувствительно ущипнула его за щеку.

- Ай!

- Видал? Сильна, как бык. Просто в моем возрасте не стоит так резко вставать.

Шагая рядом с Питером к перрону, она не переставала улыбаться.

- Питер, дорогой мой, я так горжусь твоими снимками. Но ты уверен, что все это тебе по карману?

- На те деньги, что заплатил мне Робби, я мог бы отправить тебя хоть на Луну. Но подумал, что во Флориде теплее.

Усадив тетю в вагон, Питер поцеловал ее в лоб.

- Не забывай о креме от загара и не слишком увлекайся скейтбордом!

- Все будет хорошо. Не волнуйся за меня!

Выпрямляясь, Питер заметил легкую желтизну вокруг ее глаз. Поезд тронулся, а он остался на перроне, гадая, вправду ли с тетей все в порядке.

Холодный осенний дождик, моросивший снаружи, усилился, и Питер еще сильнее обрадовался, что сумел отправить тетю туда, где потеплее. Солнце пойдет ей на пользу. Разве нет?

Отыскать Гвен оказалось легче, чем он рассчитывал. Вернувшись в Вилледж, он тут же увидел ее - она направлялась в «Кофейное Зерно». А вот обратить на себя ее внимание - другое дело.

Окликнув ее, он помахал рукой.

- Гвен!

И - ничего. Питер крикнул еще громче:

- Гвен!

Но она не останавливалась.

«Эх... Сколько раз я сам вел себя так с другими?»

Не сдаваясь, Питер подбежал к ней.

- Гвенди, что с тобой? Ты так обиделась, что даже говорить не хочешь?

Она подняла взгляд. На ее лице не было злости - одно лишь легкое удивление.

- Питер... Нет, сейчас я уже не обижаюсь. Просто так задумалась о вчерашнем происшествии с папой, что даже не слышала тебя.

- С папой? А что с ним?

Вместе они дошли до студенческой кофейни, и по пути Гвен рассказала Питеру о вчерашнем

налете. С каждым ее словом его мускулы напрягались сильнее и сильнее, а сердце билось чаще и чаще. Капитан Стейси относился к нему, будто к сыну. К тому же, там ведь была и Гвен!

«Если бы она пострадала из-за моей беспечности...»

Гвен до сих пор была дрожь.

– Папа пытается сделать вид, что все это мелочи. Продолжает настаивать, что доктор велел ему оставаться в постели только ради моего спокойствия. Конечно, он заслужил свои медали не в кабинете сидя, но он уже немолод...

«А ведь я знал, что держать скрижаль при себе опасно. Я вполне мог бы помочь, если бы только догадался присмотреть за капитаном Стейси!»

– Эй, красавица и книжный червь!

Знакомый бас вернул Питера к реальности. Флэш Томпсон, сидевший в дальнем углу кафе, поднялся из-за столика и направился им навстречу. Уверенный в себе, в мундире с иголки, он сиял, словно луч солнца среди мрачных туч.

Самовлюбленный, раздражающий луч. Из тех, что вызывают головную боль. Не обращая внимания на Питера, Томпсон не сводил глаз с девушки рядом с ним.

– Гвен! Я надеялся застать тебя здесь. Как же я рад тебя видеть!

Просияв, Гвен поднялась на носки и крепко поцеловала его в щеку.

– Солдатик! Почему ты не сообщил девушке, что едешь домой, в отпуск?

Томпсон блеснул глазами.

– А отчего ты не писала мне почаще?

– Я думала, об этом позаботится Мэри Джейн. И... – все еще сияя, она повернулась к Питеру. – И к тому же я очень часто вижусь с мистером Паркером.

Флэш едва удостоил его взгляда.

– Неужто после моего отъезда здесь стало настолько плохо с выбором?

Питер понимал, что это всего лишь безобидные шпильки, но нервы его были на взводе, и он приготовился к драке.

– Я думал, армейская служба пошла тебе на пользу. Когда я видел тебя в последний раз, мог бы поклясться, что ты почти похож на человека. Но если ты полагаешь, будто форма дает тебе право обращаться со мной, как...

Хмыкнув, Флэш небрежно ткнул большим пальцем в сторону выхода:

– Свали, головастик! Когда мне потребуются штатские, я вызову.

– Тут тебе не школа, – запальчиво ответил Питер. – И я не собираюсь позволять тебе унижать меня перед Гвен...

Ладонь Гвен мелькнула перед его глазами.

– Питер! Что на тебя нашло? Он же просто шутит!

Сердечная улыбка Томпсона угасла.

– Может, это я в тебе ошибся? Может, ты до сих пор тот самый дерганный нерд, за которого я тебя всегда принимал?

Но в усмешке Флэша не было былого высокомерия. Он в самом деле казался немного обиженным, и Питер опустил руки.

– Окей, может, я и вспылil понапрасну. Но кому понравится, когда другой распускает хвост перед его девушкой?

Флэш подался назад.

– Слышь, приятель, всякий нормальный парень, который не станет распускать перед ней хвост, считай, готовый клиент для похоронного бюро. Но не буду вам мешать. Пойду. Спасибо за теплый прием.

Как только его ладная фигура в новенькой униформе скрылась за струями дождя, пристыженный Питер повернулся к Гвен.

– Извини. Я... Перенервничал, узнав, что случилось с твоим отцом. Мне очень жаль...

Злость на него вновь накрыла Гвен с головой:

– И правильно. Странно видеть такую враждебность к мужчине, побывавшему в боях, в мальчишке, который всегда исчезает, почуяв беду!

Повернувшись к нему спиной, она тоже направилась к выходу. Дверь «Кофейного Зерна» затворилась за ней. Бронзовый колокольчик над дверью коротко звякнул.

Питер устало опустил на стул.

«Понятно. Я – мальчишка, он – мужчина. Я – трус, он – храбрец. Честно говоря, я вышел из себя не только из-за того, что случилось с ней вчера вечером. Я приревновал Гвен к Флэшу, опасаясь потерять ее. И глупые выходки вроде этой наверняка отпугнут ее».

* * *

ПО КРАЙНЕЙ МЕРЕ, сквозь подвальные окошки полицейского участка в камеру проникало хоть немного дневного света. Лампочек на потолке было не так уж много, и вдобавок с момента побега мистера Фиска Уэсли пришлось сидеть в тени целой дюжины надзирателей.

Согласно законам, ему должны были предъявить обвинение в течение двадцати четырех часов с момента ареста. Если за это время у следователей так и не дойдут до него руки, это может послужить основанием для его освобождения. Но за полчаса до истечения суток дверь камеры распахнулась, и Уэсли упал духом.

Однако вместо судьи его отвели к окошку, за которым сидела особо суровая женщина в полицейском мундире. Вернув ему его вещи, она попросила расписаться в получении.

- Меня выпускают? Что это – какой-то трюк? Вы планируете установить за мной слежку?

Женщина за окошком подняла на него глаза. Взгляд ее оказался невероятно усталым.

- Откуда мне знать? У меня нет допуска в кабинет, где планируют трюки. Я слышала, он спрятан в канализации – ну, там же, где люди-кроты.

Уэсли поморщился.

- Не понимаю вашего сарказма.

- И плевать. Выход сзади. Или вы предпочитаете вернуться в камеру?

Уэсли выпрямился, схватил пухлый конверт, в который как попало были сложены его ремень, бумажник и прочие личные мелочи, и вышел. Руки его были заняты, и у выхода из участка он остановился, ожидая, что дежурный полицейский откроет перед ним дверь, но тот лишь оскорбительно захохотал. Неловко зажав конверт под мышкой, Уэсли сам распахнул тяжелую дубовую дверь и вышел под проливной дождь.

У обочины стоял лимузин. При виде Уэсли шофер в парадном мундире подбежал к нему и раскрыл над ним зонтик.

- Позвольте принять ваши вещи?

Заподозрив подвох, Уэсли отказался и от помощи и от зонтика. Хотя за несколько секунд, потребовавшихся, чтобы дойти до лимузина, он успел промокнуть насквозь, садиться он не спешил. Вместо этого он наклонился и заглянул внутрь.

- Цезарь Цицерон? Что это значит?

- Почему бы тебе не укрыться от дождя? Поговорим со всеми удобствами.

Уэсли не двинулся с места, и Цицерон с досадой закатил глаза.

- Помнишь, как в кино всегда говорят? Ну, это: «если бы я хотел убить тебя, ты был бы уже мертв»? Эй, да ты и сам, наверное, не раз так говорил, а? Садись.

Как только дверь закрылась, шум дождя исчез – остался только стук капель, падавших с одежды Уэсли на роскошное кожаное сиденье.

Цицерон взглянул в окно.

- Забавно, как быстро все меняется... Друг оставляет тебя гнить в тюрьме, а через минуту является враг, чтобы вытащить тебя на волю.

Уэсли с трудом удерживался, чтобы не ежиться от холода, но промокшая одежда при каждом движении противно скрипела о кожу сиденья.

- Если ты думаешь, что я хоть что-то расскажу о мистере Фиске, ты жестоко ошибся.

Почти не обращая внимания на его слова, Цицерон полировал ногти о меховой воротник пальто.

- Да, да. Понятно. Ты не оставишь своих до самой смерти. Трогательная песня. Честь тебе и

хвала. Расслабься. Настали дни, когда я сам могу кое-что рассказать тебе о Фиске. Но речь не о нем и не о его провале. Речь об одном древнем камне, который кто-то стянул из Выставочного зала.

От изумления глаза Уэсли распахнулись во всю ширь.

– О той самой скрижали?

Цицерон улыбнулся.

– Знаешь, паршивый из тебя игрок в покер. Надо бы когда-нибудь с тобой сыграть. В любом случае – да. Теперь она в наших руках.

Усталый, сбитый с толку, Уэсли поник головой.

– Для вас она бесполезна. Вы не имеете ни малейшего представления, что на ней написано.

– Бесполезна, бесценна – я всякое слышал. Суть в том, что ты тоже не знаешь, что там написано. В этом-то и загвоздка с настоящими тайнами: разгадки не знает никто.

Цицерон стукнул в перегородку. Лимузин тронулся с места и влился в поток автомобилей так мягко, что Уэсли почти не почувствовал этого.

– Зато я знаю другое: одна только мысль о разгадке этой тайны вгоняет такого умника, как ты, в дрожь. Откуда мне знать? У нас есть доступ ко всем серверам Кингпина. Ко всем документам и ко всей почте, неважно, насколько секретной. И к твоей тоже.

С этими словами Цицерон бросил на колени Уэсли распечатку. Уэсли начал читать, не обращая внимания на капли, падавшие на бумагу с его мокрых волос. Цицерон молча ждал, держа безвкусный аляповатый перстень с рубином, украшавший его кургузый указательный палец. Закончив чтение, Уэсли замер с отвисшей челюстью.

– Картина ясна?

Уэсли кивнул. Цицерон улыбнулся и игриво толкнул его в плечо.

– Вот и хорошо. Признание – царица доказательств. Лично я думаю, все это – пустая трата времени, но не мне тебе объяснять, что такое уважение к причудам босса, верно? Мадонна миа, сказал бы я, что я думаю об этом ископаемом! – внезапно его круглая, как блин, физиономия сделалась предельно серьезной. – Но не стану. Ни за что. Я не только верен боссу, я – из команды победителей. В отличие от тебя. Я мог бы доказать дюжиной разных способов, что тебе больше нечего и некого предавать. Кингпину конец. Однако у тебя все еще есть шанс перевести надпись на этом камне.

Поравнявшись со странно зловещим неоготическим небоскребом, водитель резко свернул вправо. Прежде, чем лимузин скрылся в частном гараже, Уэсли успел узнать Гэлби-билдинг. Автомобиль мягко затормозил у лифта.

– А если откажусь?

– Тогда умрешь – как и все мы в свое время, конечно. Но ты, в отличие от прочих, умрешь, так и не разгадав загадку, не дающую тебе покоя.

На этот раз водитель проявил куда меньше почтительности. Буквально выдернув Уэсли из

машины, он рывком поднял его на ноги. Вышедший следом Цицерон поправил воротник Уэсли и потрепал его по щеке.

– Не волнуйся. Мы не какие-нибудь варвары. Никто не требует от тебя ответа прямо сейчас – лифт поднимается вверх добрых тридцать секунд.

Лифт двигался так же плавно, как и лимузин – понять, поднимается ли он, без обзора из окон было невозможно. В тесноте кабины аромат Цицеронова одеколона раздражающе щекотал ноздри.

Адвокат Маггии снова толкнул Уэсли в плечо.

– Если тебе от этого будет легче, скажи себе: сделаю вид, что согласился, а там, может, сумею повернуть дело в свою пользу и помочь старому боссу. Мертвым-то ты уж точно никому ничем не поможешь!

Поначалу Уэсли думал, что грубый гангстерский говор Цицерона указывает на недостаток ума. Теперь он понимал: это – не более чем маска, за которой скрывался искусный манипулятор. Уэсли и сам мыслил в том же направлении.

Двери лифта раздвинулись, и Цицерон взмахнул рукой, как метрдотель, приглашающий клиента за стол.

– Хей, если останешься жив, сыграем как-нибудь в покер?

Кабинет оказался таким просторным, что в его полумраке свободно разместилась минимум дюжина мрачных, безмолвных телохранителей. В дальнем конце помещения стоял роскошный, искусно освещенный несколькими прожекторами стол из красного дерева. Уэсли тут же пришло в голову, что этот стол послужит прекрасной заменой уникальному столу самого Аль Капоне, уничтоженному Фиском в тренажерном зале.

За столом сидел еще один уникум – Сильвио Манфреды, последний из главарей Маггии старых времен. За ним явно ухаживали не хуже, чем за его столом, но с куда меньшим успехом. Оттенок кожи его лица почти идеально подходил к серому костюму. Рубашка и галстук, очевидно, должны были соответствовать синеве его глаз, но вместо этого лишь подчеркивали нездоровую желтизну белков. Все это, вкупе с тщательно подстриженными и уложенными сединами, придавало ему вид приготовленного к погребению мертвеца.

Честно говоря, Уэсли даже усомнился, жив ли он – так неподвижен был хозяин кабинета. Но вдруг Манфреды моргнул и перевел взгляд на Цицерона. Тот почтительно снял шляпу. Манфреды снова моргнул, взглянул на Уэсли и погрозил пальцем в сторону своего заместителя.

– Он думает, я – дряхлый старый дурень, раз допустил пешку Кингпина в свою штаб-квартиру. А еще он надеется, что этим я выставлю свою глупость всем напоказ, и тогда он сможет занять мое место. Я чую, чую все его грязные, предательские мыслишки.

Губы Цицерона дрогнули.

– Даже вы не можете так говорить обо мне.

Но Сильвермэйн либо не расслышал его, либо оставил его слова без внимания.

– Выйди вон и позови ко мне Марко.

Цицерон ехидно усмехнулся и вышел, оставив дверь открытой. Уэсли обнаружил, что на спине одежда еще мокрая, но ток горячего воздуха спереди высушил капли дождя на его лице. Прожектора, направленные на стол, служили не только для освещения – они, вдобавок, согревали старика.

Вскоре в коридоре появился человек. Он был так же широк в плечах, как Уилсон Фиск, но выше ростом. Входя в кабинет, пришлось пригнуть голову, чтобы не удариться лбом о притолоку.

Манфреди указал на вошедшего великана:

– Люблю огромных псов. Чем тупее, тем лучше. Погладь их по головке – и они будут защищать тебя до самой смерти.

Уэсли был сбит с толку. С кем говорит Сильвермэйн? Зачем оскорбляет своих людей? Старческое слабоумие?

Но вошедший вовсе не был оскорблен. Напротив, он был счастлив оттого, что его допустили в кабинет босса.

– Принес, Марко?

– Да, мистер Сильвермэйн.

Великан подал Манфреди скрижаль, завернутую в какую-то старую тряпку.

– Хороший мальчуган. Я знал, что ты меня не подведешь.

Марко брякнул скрижаль на стол с таким стуком, что Уэсли в ужасе зажмурился. К счастью, древний камень вроде бы не пострадал.

– Не стесняйся, подойди, взгляни поближе. Убедись, что она – та самая.

Один из гангстеров, возникший из полумрака, словно призрак, придвинул к столу кресло для Уэсли и подал ему сильную лупу. К стыду Уэсли, при виде искусно вырезанных в камне знаков все мысли об Уилсоне Фиске разом исчезли из его головы.

– Она подлинная. Я узнаю ее.

Сказав это, он тут же почувствовал укол вины. Впервые в жизни он усомнился в своей верности. Но, несмотря на весь сарказм своего совета, Цицерон был прав: смерть Уэсли не принесет Кингпину никакой пользы. А скрижаль – вот она, в его руках.

Сильвермэйн едва заметно улыбнулся.

– Все остальные переводчики думали, что это рецепт – вроде как из поваренной книги. Но ты считаешь, будто это – химическая формула.

– Да, моя гипотеза такова.

Взгляд Манфреди устремился вдаль, в никуда, как будто душа старика едва-едва держалась в теле. Когда он вновь заговорил, это впечатление только усилилось.

- Нет. Это не гипотеза. Не спрашивай, откуда мне знать, но это так.

- Но вы понимаете, что мне одному тут не справиться?

- Понимаю, - кивнул Сильвермэйн. - Тебе нужен биохимик - доктор Курт Коннорс. Скоро он тоже будет здесь.

* * *

ДЖОРДЖ Стейси полулежал на большой деревянной кровати - в выцветшей синей пижаме, под толстыми одеялами. Гвен обкладывала его подушками всевозможных размеров. Человек-Паук наблюдал за ними снаружи, сидя на ветке. Приоткрытое окно было так близко, что он мог видеть и слышать все, что происходило внутри, оставаясь незамеченным.

Подслушивать и подглядывать было как-то неудобно, но о том, чтобы шокировать Гвен внезапным появлением Человека-Паука, не могло быть и речи - он и без того заставил ее поволноваться. Оставалось только ждать, пока она не уйдет.

Капитан разрывался между стремлением успокоить дочь и желанием попросить ее прекратить хлопоты.

- Гвен, со мной все прекрасно. Правда. Я уже как новенький.

Но Гвен продолжала обкладывать отца подушками с такой нежностью, что сердце Питера заныло.

- Точно? Может, принести тебе чего-нибудь?

Рука отца опустилась на ее запястье.

- Нет, не нужно. Спасибо, милая.

Гвен погладила руку отца.

- Окей, но если вдруг что-нибудь понадобится, просто крикни мне. Обещаешь? - и, после некоторой паузы: - Э-э... А Питер не звонил на домашний?

Стейси явно обрадовался смене темы разговора, но у Человека-Паука засосало под ложечкой.

- Нет, а что? Ты ждешь его звонка?

- Я думала... а, ладно. В конце концов, он - не единственный парень на свете.

«Это точно. Есть еще, как минимум, красавчик Флэш Томпсон».

- Так почему же твои глаза так блестят, стоит тебе заговорить о нем?

Гвен нежно хлопнула отца по плечу.

- Ты можешь хоть на минуту забыть, что ты детектив? Я просто беспокоюсь, что он до сих пор злится на меня из-за вчерашней ссоры с Флэшем.

«Я? Вот как? Я-то думал, это она на меня злится».

- Так отчего ты сама не позвонишь ему?

- Потому, что я на него зла.

«Ну вот. Кто бы сомневался».

- Не стану притворяться, будто все понимаю, но, как я уже говорил, дорогая, ты ни за что не злилась бы на него так сильно, если бы не...

Не дослушав, Гвен повернулась к дверям:

- Извини, мне еще домашнюю работу делать.

Гвен вышла, закрыв за собой дверь. Выждав несколько секунд, Стейси взглянул в сторону окна.

- Она ушла, сынок. Зайдешь?

Под ложечкой засосало еще сильнее. Робко подняв раму, Человек-Паук перебрался на подоконник.

- Как вы?...

- Что значит «как»? - слегка удивился Стейси. - Я живу здесь давно и прекрасно знаю, как обычно ведут себя тени за окном.

- Жаль, что меня не было здесь вчера. С вами все в порядке?

Стейси вздохнул.

- Если тебя волнует только это, хватило бы и открытки с пожеланием скорейшего выздоровления. Незваные гости второй вечер кряду - это слишком.

- Простите. Мне очень жаль...

- Это ты уже говорил. Дальше что?

- Я хочу отыскать скрижаль. Что вы можете сказать о том, кто забрал ее?

Стейси наморщил лоб.

- От того, что я считаю тебя не настолько скверным, как пишут в прессе, мне не легче делиться с тобой подробностями текущего расследования, - сказал он с новым вздохом. - Ее забрал Марко, Человек-Гора, один из боевиков Маггии.

- Человек-Гора? Неужели настолько высок ростом? - но, видя, как окаменело лицо Стейси, Питер оставил шутки. - Э-э... А зачем Маггии все это?

- Не знаю, но это еще не все. Сегодня коллеги из Флориды сообщили о том, что доктор Курт Коннорс и его семья похищены известным...

«Док Коннорс?»

Не дожидаясь окончания фразы, Человек-Паук сделал сальто и скрылся в ночи.

- Тебе знакомо это имя? - крикнул Стейси ему вслед. - Сынок, может, тебе есть, чем

поделиться с полицией?

«Если бы я и хотел, не могу же я сказать ему, что Коннорс – это Ящер. Если бы я не заманил дока в рефрижератор, где его первобытная сущность от холода погрузилась в спячку, он до сих пор разгуливал бы по парку Эверглейдс, пожирая мелких млекопитающих и замышляя восстание рептилий, которое вновь вознесет их на „должное“ место на вершине пищевой цепочки. От него-то Маггии что нужно?»

<http://tl.rulate.ru/book/25490/531831>